

Идея науки в философии Эдмунда Гуссерля

Материалы к выступлению на семинаре «Проблемы рациональной философии» 16 февраля 2016 г.

1. Феноменология, одно из наиболее влиятельных философских направлений двадцатого века, все еще остается также и одним из наиболее трудных для понимания. Трудности эти различного рода. В первую очередь мы должны упомянуть, что масштабный и влиятельный проект Герберта Шпигельберга, которые в первые послевоенные десятилетия объединил под этих названием большое количество ярких мыслителей конца XIX–начала XX века. К представителям феноменологии он, помимо самого Гуссерля, причислял Франца Brentano, Карла Штумпфа, Макса Шелера, Николая Гартмана, Мартина Хайдеггера, Габриэля Марселя, Жана-Поля Сартра, Поля Рикёра, Эммануэля Левинаса. – Уже одно только перечисление этих имен покажет, что речь идет либо об одном из магистральных направлений современной западной философии, либо за основание для объединения этих имен взят какой-то слишком уж широкий набор характеристик. Это было сделано в двухтомной работе «Феноменологический метод: историческое введение» (первое издание: 1960 г.; последующие издания и допечатки: в 1965, 1982 и 1994 гг.; рус. перевод: 2002 г.)

Не скрою, конечной целью моих исследований, о которых я сегодня сумею рассказать только лишь одну небольшую часть, будет демонстрация опасностей, которые таит в себе миф о «феноменологическом движении». Однако сейчас я попытаюсь лишь некоторые начальные мотивы, приведшие ко образованию «движения».

2. Представляется вероятным, что изучать исходные принципы некоей традиции, которая объединила столь значительную часть великолепных умов «континентальной философии» лучше всего по ее центральным постулатам. Также, в обращении к «истокам» мы наверняка обнаружим нечто подобное «научному методу», который был бы характерен для этого философского направления.

Совершенно естественно, потому, что прояснение основных принципов феноменологии приводит нас к идеям мыслителя, которого принято называть «основателем» этого философского направления. К Эдмунду Гуссерлю (1859–1938). Однако здесь нас подстерегают трудности уже иного рода. Главная из них заключается в том, что этот мыслитель предложил по крайней мере два подхода, отчетливо отличающихся друг от друга и – что не менее важно – в различной степени устраивающих мыслителей, которые впоследствии на влияние феноменологии ссылались.

3. Именно здесь я перехожу к одному из первых своих тезисов, который вряд ли покажется для вас неожиданным, однако он все же предполагает важное смещение акцентов предлагаемого мною анализа.

3.1. В философии Гуссерля ключевой для понимания необычайно разнообразных, сложных и детальных построений служит идея науки и научного знания. Наука и задаваемая ею структура оказывается той системой координат, который позволяет интерпретировать каждую из моделей философии, которые были предложены Гуссерлем на разных этапах своего развития.

3.2. Обозначение «[трансцендентальная] феноменология» хотя и называет тот комплекс проблем, над решением которых трудился Гуссерль, хотя это обозначение и подразумевает также и определенный набор решений (как, впрочем, и терминологических средств), однако в ряде случаев оказывается лишь помехой для понимания исходных задач этого философского проекта.

Мое выступление делится на три части. В первой (А) я приведу несколько примеров, показывающих наиболее частые трудности, возникающие при попытках определить «феноменологию» через *метод*. Во второй части (В) я покажу, что феноменологию как особого типа философский проект проще определить через набор черт, характерных для фундаментальной философии (я буду называть ее «фундаментализмом»).

В данных материалах содержится иллюстративный материал к первой части выступления.

4. Что такое феноменология?

Чем большей живостью отличается понятие, тем более оно многозначно и более подвержено искажениям: таков закон человеческого языка и мышления.

М. Шелер

4.1. Трудности определения

В последние десятилетия за феноменологией закрепилась несколько двусмысленная слава среди других философских школ современности. Похвалы в ее адрес часто намекая на исключительность, ее метода, балансируя при этом на грани обвинений – причем таких, от которых нельзя просто-напросто отмахнуться, не посягая на современные представления о нынешних идеалах научного и философского знания. В отдельных случаях приходится сталкиваться с прямыми упреками, только лишь сделанными в вежливой форме.

4.1.1. Иллюзия исключительности

1. Тем, кто привык к использованию индуктивных методов естественных и социальных наук, как отмечает Г. Зайферт, порой кажется, что феноменолог совершает свои обобщения «прямо-таки безответственным образом»¹: феноменолог полагает, что *каждый* переживает (обнаруживает) то, что обнаруживает (описывает) в своих анализах и он сам. «Однако при более пристальном взгляде выясняется: феноменологическое рассмотрение повседневной действительности устроено таким образом, что для того, чтобы быть “верным” (richtig), отнюдь не должно опираться на индуктивно полученные подтверждения»². Не требуется, например, рассылать анкеты или опросные листы для выяснения того, как происходит у тех или иных субъектов восприятие описываемой феноменологом повседневности.

Таким образом, в феноменологии — в отличие от статистических наук — не имеет значения *количество* приведенных примеров. Очевидно, это свойственно не только феноменологии как философской дисциплине. Зайферт указывает также на юриспруденцию, в которой достаточно легко можно продемонстрировать «принцип объяснения на одном-единственном примере»³. В качестве иллюстрации Зайферт приводит

¹ Seifert H. Einführung in die Wissenschaftstheorie. München, 1977. Bd. 2. Geisteswissenschaftliche Methoden: Phänomenologie – Hermeneutik und historische Methode – Dialektik. S. 33 [следующие цитаты там же]. Речь и идет о примерах из Больнова и Плеснера.

² Seifert H. Op.cit. S. 33.

³ Seifert H. Op.cit. S. 35. (Юридическая ответственность владельца собаки за возможный ущерб, который может нанести его питомец: дело совсем не в том, «хорошо ли» вела себя собака до этого. Достаточно одного случая).

курьезный случай, упоминаемый Шт. Штрассером во введении к своей книге о феноменологии:

«Однажды, в некоем голландском высшем учебном заведении проходила защита диссертации на историческую тему. В ходе критического обсуждения диссертации один из оппонентов молодого диссертанта заметил, что тот упустил в своей работе один важный исторический документ. В подобных дискуссиях такие упреки звучали довольно часто. Однако всеобщее изумление вызвал способ, каким соискатель отразил это критическое замечание — тот сослался на “феноменологический метод”. Феноменолог, заявил он, может удовлетвориться анализом одного-единственного типического случая (*exemplarischen Falles*); тем самым поиск источников и их использование для него не важны»⁴.

2. Таким образом, Зайферт говорит о возможности феноменологического анализа повседневного опыта; по всей видимости имея при этом в виду то, что Гуссерль называл усмотрением сущности. Эта возможность нашего сознания тут же получает у современного теоретика науки расширительную трактовку: «Феноменологические высказывания всегда основываются на личном *жизненном опыте*⁵ автора в той области, о которой он говорит. Потому инстанцией для интересубъективной проверки феноменологических высказываний является не эмпирический метод, действующий по правилам индуктивного метода... но просто согласие обладающего опытом и ориентирующегося в проблеме читателя. Оно выражается в возникающем впечатлении “да, так это и есть”⁶. Следовательно, такого рода «владеющий материалом» (*sachkundiger*) читатель “проверяет” убедительность сказанного *герменевтически*, на своем собственном жизненном опыте; он читает текст, проверяя, верно ли передан и интерпретирован [присущий и ему самому] жизненный опыт».

«Не имеет, стало быть, никакого смысла, — заключает Зайферт, — спорить с феноменологом, ссылаясь на количественный метод».⁷

Конечно, это заявление тут же побуждает нас спросить: а имеет ли *вообще* смысл спорить с «феноменологом»? И если да, то *какую именно общую основу* дискуссии мы при этом предполагаем? (Насколько вообще осмысленны споры в философии?) Отвлечемся пока от этих непростых вопросов.

Опровержение анализа, данного «феноменологом», — предлагает Зайферт, — должно, как минимум, соответствовать дифференцированности того, что желают опровергнуть — что крайне не просто⁸.

Зайферт, впрочем, приводит не самые неудобные для феноменологии примеры. Пытаясь подтвердить ценность феноменологического описания, он ссылается — обратим внимание! — не на Гуссерля или кого-либо другого из его коллег по геттингенскому или мюнхенскому кругу, а на «антрополога» Гельмута Плеснера. Но Плеснер описывает опыт *повседневно-социальный*, интересубъективно и коммуникативно наблюдаемый. А как быть с описаниями происходящего *в сознании*? Будем ли мы и здесь точно также предполагать, что он поддается аналогичному воспроизведению в опыте *каждого*? Не заключена ли здесь как раз та самая предпосылка «всеобщей разумности»?

Современные исследователи, ассоциирующие себя с феноменологией, в целом согласны, что описанное Зайфертом «обобщение» вполне возможно. «Феноменологическое мышление предполагает, — пишет Кр. Лотц, — что *любое* сознание индивидуального объекта мы можем превратить в пример и подвергнуть его вариации»⁹. «Превратить в пример» — это как раз и означает: сделать выражением некоего правила, более или менее универсальной *закономерности*. Однако когда Лотц разъясняет, почему это возможно, он только лишь

⁴ Strasser St. 1964. Vorwort. S. V. (XV, 313 S.)

⁵ Представляется целесообразным сохранить именно это выражение, «жизненный опыт». Оно удобно ввиду возможности конкретизировать его в самых различных направлениях.

⁶ “ja, so ist es auch”. В данном случае, правда, возникает, правда, вопрос: каким образом предостеречься от возможности суггестии? Есть ли такие (феноменологические) различия, которые сознание вообразить себе *не может*?

Отметим, что в феноменологической философии эти споры остры лишь потому, что феноменология всерьез воспринимает идею радикальной научности. И надеется воплотить ее в своих построениях.

⁷ Seifert H. Op.cit. S. 33–34.

⁸ Вопрос тогда в том, как это возможно в отношении, например, исключительно подробных анализов времени, данных Гуссерлем?? Не получается ли, что *в этом* случае необходим какой-то иной вариант (тип) критики?

⁹ Lotz Chr. 2007: 18.

умножает количество возможных вопросов к феноменологии. Мы можем делать это потому, продолжает он, что, в отличие от математики, универсальные структуры сознания не дают (display) точных сущностей и, более того, эти структуры могут быть рассмотрены на разных уровнях универсальности. Но это не решает проблемы, ведь «структуры сознания» уже охарактеризованы как универсальные, тогда как их универсальность необходимо подтвердить, как раз обосновывая возможность «сущностного усмотрения».

4.1.2. Попытки «топографического» определения

Нетрудно заметить, что кратко очерченные нами попытки определить природу феноменологии наталкивают порой на самые неожиданные вопросы. Но если к констатации «безответственности» феноменологических обобщений добавить еще и упрек в том, что, при всей указанной смелости феноменологи далеко не всегда способны определить, *чем именно* они так смело пользуются, облик феноменологии как известной и уважаемой в XX в. философской традиции предстает в еще более двусмысленном свете.

«То, что сегодня проходит по имени «феноменологии», – отмечает Х. Сильверман, сам известный своими публикациями по феноменологической проблематике, – есть порой лишь способ обозначить современные исследования континентальной философии, независимо от того, совершаются ли эти исследования на европейском континенте, Британских островах или Северной Америке. Она описывает общий набор тем, проблем и вопросов. Эта проблематика часто пересекается с другими стилями философствования, хотя то, как они рассматриваются, какие акценты ставятся исследователями и какие тексты цитируются, отличает феноменологию от других стилей»¹⁰.

Феноменологию вообще довольно часто определяют через трудноуловимое понятие *стиля*. Однако если определение феноменологии сведется лишь к использованию этого понятия, возникает вопрос о том, насколько правомерно называть этот «стиль» именно философской школой. Именно в этом качестве мы обнаруживаем феноменологию практически во всех современных учебниках по западной философии. Была ли она именно «школой» в *той же*, например, смысле, в каком мы говорим о таковой по отношению к неокантианству? Далее. Едва ли кто усомнится, что в философии XX века это направление было крайне влиятельным (эта уверенность, однако же, вполне может сочетаться с убеждением, будто влияние этого «нечто» давно уже отошло в прошлое исторических схем).

Вполне, казалось бы, закономерный вывод, делающийся иногда на основании схематично очерченных трудностей, может быть весьма неприятным для любого, кто (по каким бы то ни было причинам) распознал привлекательность стиля работ авторов, называющих себя «феноменологическими». Говорят: никто не может сказать, что это такое, зато хорошо знают его историю. Эти слова могли быть сказаны о многих течениях современности¹¹. Однако в данном случае речь идет о феноменологии.

При попытке определить, что же такое феноменология, мы сталкиваемся со значительными трудностями. В популярных изданиях, в том числе тех, что предлагают себя сегодня для первого знакомства с этой традицией, встречаются обобщенные списки из «пяти черт», «семи признаков» и т.д. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что они либо с равным успехом могут быть приняты в качестве характеристик также и других философских течений, либо являются несущественными по отношению к феноменологическому методу. См. например «Семь широко признаваемых черт феноменологического метода»¹² (черты, которые едва ли вообще кем-либо «принимаются»).

¹⁰ Silverman H. 1980: 43. В качестве основных форм феноменологии Сильверман называет «гуссерлевскую, экзистенциальную, герменевтическую и аналитическую», хотя «феноменология и не ограничена этим каталогом». Все 4 версии феноменологии, как отмечает Сильверман, отрицали структурализм и критическую теорию. См. также: Silverman H. 1980.

¹¹ Впрочем, не только о течениях или школах, но и о проблемах.

¹² [Seven Features]. Основные положения этого замечательного документа заслуживают того, чтобы их сперва изложили без купюр, а затем подробно прокомментировали. Феноменологи, как утверждают авторы этого списка, ведут исследование таким образом, что «разделяют большую часть нижеследующих негативных и позитивных черт: (1). Феноменологи склонны выступать против принятия ненаблюдаемых материй (matters), они против помпезных систем (grand systems), созданных в спекулятивном мышлении. (2). они, как правило, выступают против натурализма (называемого также объективизмом и позитивизмом), который есть мировоззрение, питаемое современным естествознанием и технологией, распространявшейся из Северной Европы начиная с

В этом направлении предпринимались самые различные шаги. Прежде всего следует сказать, что этой проблемы избегают те подходы, которые изначально ориентируются на гуссерлевскую версию феноменологии. Она – как трансцендентальная – подается в качестве *главной*; вопрос о «Феноменологии» как таковой не ставится¹³. Чаще всего за основу брали основные отличительные признаки трансцендентальной феноменологии *Гуссерля*¹⁴. Однако если гуссерлевская феноменология берется за основу, неизбежно возникает целый ряд трудностей¹⁵, обсуждение которых мы продолжим в последующих публикациях.

Ренессанса. (3). В позитивном плане феноменологи склонны обосновывать познание (justify cognition) (а некоторые также и оценочные суждения и действия) со ссылкой на то, что Гуссерль называл очевидностью (Evidenz) она есть сознание (awareness) самой вещи (matter itself), явленной наиболее ясным, отчетливым и адекватным образом, характерным для вещей такого рода. (4). Феноменологи склонны верить, что не только объекты естественного и культурного мира, но также и идеальные объекты – числа, и даже сама сознательная жизнь – могут стать очевидными и таким образом (thus) знаемыми; (5). Феноменологии склонны полагать, что исследование (inquiry) должно сосредотачиваться на том, что можно назвать познанием, опытом (“encountering”), в той мере, в которой оно обращено к объектам и, соответственно, к “объектам как они познаются” (эта терминология не является широко распространенной, однако широко распространен акцент на (этой) двойной / двойственной проблематике и на рефлексивном подходе, которого она требует. (6). Феноменологи склонны признавать роль описания (осуществляемого) в универсальных, априорных, “эйдетических” терминах в качестве первичной по отношению к объяснению в посредством “причин”, “целей” и “основ” (grounds); (7). Феноменологи склонны спорить о том, полезно ли (и возможно ли в принципе) то, что Гуссерль называет трансцендентальным феноменологическим эпохе и редукцией.

Наиболее загадочен последний, *седьмой* признак. Составители «Семи черт», видимо полагают, что любые дискуссии по поводу какой бы то ни было процедуры (методического приема, теории) делают того, кто ее обсуждает, безоговорочных сторонником этой процедуры (по аналогии – мыслителя, школы). Как просто, оказывается, стать платоником, кантианцем, гегельянцем, феноменологом и т.д. Последний признак добавлен, скорее, из «эстетических» соображений: *семь* признаков – все-таки более весомы, внушают больше доверия, чем *шесть*.

Шестой признак отчасти восходит к довольно распространенной модели восприятия феноменологии, согласно которой она трактовалась как описательная, дескриптивная наука; Гуссерль сам дал тому повод во Введении ко второму тому «Логических исследований», однако впоследствии постарался от этой трактовки дистанцироваться. О том, что идеал «описания» сам по себе есть довольно проблематичная конструкция см.: Orth E.-W. 1987; Lembeck K.-H. 1994; Kaulbach Fr. 1985. *Пятый* признак – очевидно характеристика одной из тенденций развития философии тех лет (теория познания, неокантианство). *Первый* – рационализм, та же теория познания. *Четвертый* предельно расширяет «феноменологичность» – ему соответствует едва ли не вся философия того времени. Против натурализма, далее (*второй* признак), в XX в. выступало довольно большое количество философов; однако отождествление “натурализма” с “объективизмом” и, к тому же, еще и с “позитивизмом”, – характерная небрежность философского языка.

Если ни один из признаков не является для феноменологии специфичным – меняется ли что-либо, если их объединяют в «набор» («коллекцию») из семи черт?

¹³ Этот вариант решения характерен для следующих публикаций: Möckel Chr. 1998; Lembeck 1994.

¹⁴ Ср. Мотрошилова 2001.

¹⁵ Lauer Q 1961: 633.